

ЛЮБИТЕЛЬСКІЙ СПЕКТАКЛЬ

НА АВАНПОСТАХЪ

(Изъ воспоминаній стараго кавказца).

Это было въ 1846 году.

Я служилъ тогда юнкеромъ въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку, который въ іюлѣ мѣсяцѣ того года перешелъ изъ Грузіи въ Сѣверный Дагестанъ и занялъ подѣ устройство своей штабъ-квартиры высокій берегъ рѣки Сулака, двумя сторонами спускавшійся къ небольшой равнинѣ, по которой быстро катились волны рѣки.

По другому берегу поднимались холмы, постепенно возвышаясь одинъ надъ другимъ и переходя верстахъ въ пяти въ утесистый хребетъ горъ Салатавчи, выдѣляясь впереди горой Хуттумъ-Башъ, за которыми находились въ неприступныхъ тѣспинахъ аулы не покоренныхъ нами еще тогда горцевъ.

Передовые ихъ посты, съ помощью зрительной трубы, можно было видѣть изъ Чиръ-Юрта—штабъ-квартиры Нижегородцевъ, заимствовавшаго это названіе отъ существовавшаго здѣсь пѣкогда аула.

Поселеніе здѣсь полка служило авангардомъ для войскъ нашихъ, занимавшихъ Кумыкскую плоскость, простиравшуюся до Каспійскаго моря.

Жизнь въ Чиръ-Юртѣ кипѣла въ это время дѣятельностью. Полкъ обстраивался. Съ рапного утра, по бою барабана „по возамъ“, собирались на плацъ повозки офицерскія и солдатскія, также казенныя конныя и воловыя фуръ, и подъ охрапеніемъ прикрытія изъ 50—80 человекъ отправлялись въ ближайшій Султанъ-Юртскій лѣсъ за бревнами и плетнемъ. Между тѣмъ мѣсился и приготовлялся саманный кирпичъ, а изъ высушеннаго строились казармы, конюшни, офицерскіе дома.

Внизу, на долипѣ, образуемой теченіемъ Сулака, устраивались двѣ слободки съ полковыми хозяйственными заведеніями и помѣщеніемъ для нижнихъ чиновъ.

Въ ожиданіи болѣе надежныхъ укрѣпленій, два фаса четырехугольника, образуемаго помѣщеніемъ полка, обегались небольшимъ рвомъ, съ промежутками для воротъ, заставленными деревянными рогатками. Два другіе фаса примыкали къ спускамъ, къ сторонѣ слободокъ. Понятно, что при такомъ по совсѣмъ безопасномъ устройствѣ лагеря необходимо было принимать усиленныя мѣры предосторожности противъ многочисленныхъ шаекъ горцевъ, то и дѣло рыскавшихъ поблизости, въ надеждѣ поживиться на напѣ счетъ. Ежедневно паряжался дежурнымъ очередной эскадронъ, въ которомъ лошади были осѣдланы, люди находились при своихъ мѣстахъ, а ночью даже при оружіи. Кромѣ того, днемъ назначались разѣзды къ Міатлинской переправѣ на Сулакъ, въ пяти верстахъ отъ лагеря, и далѣе къ хребту Хуттумъ-Башъ, а ночью три смѣны разѣзда къ небольшому укрѣпленію, гдѣ помѣщался напѣ конный лазаретъ близъ аула Султанъ-

Япги-Юртъ. Такъ какъ послѣдніе развѣзды дѣлались въ направленіи къ мирнымъ ауламъ, куда большой партіи хищниковъ пробраться было трудно, то начальство надъ ними поручалось очень часто юнкерамъ. Накопецъ, ночью весь лагерь оцѣплялся часовыми, поставленными у рогатокъ, и отдѣльными постами по берегу рѣки, въ слободкахъ.

Въ октябрѣ работы по постройкамъ замедлились по случаю откомандированія двухъ дивизіоновъ полка въ отрядъ направленный противъ Шамиля, вторгнувшагося въ подвластное намъ Даргинское общество. Завершивъ походъ этотъ, въ которомъ участвовалъ и я, блестящимъ дѣломъ подъ Кутешами, дивизіоны эти возвращались черезъ двѣ недѣли назадъ, и жизнь полка пошла своею чередой.

Свободнаго времени у меня было довольно, такъ какъ ученій въ полку не производилось, и только черезъ день я, по собственному побужденію, бралъ у своего взводнаго вахмистра уроки маневренной ѣзды. Остатное время гулялъ по плацу и въ слободкѣ по берегу Сулака, а вечера проводилъ въ обществѣ офицеровъ.

Полкомъ командовалъ тогда полковникъ Филиппъ Антоповичъ Круковский, горячо всѣми любимый. Подъ наружнымъ видомъ строгости или даже суровости, онъ скрывалъ рѣдкое сердце, рѣдкую теплоту души. Общество офицеровъ было многочисленное и чуть не вдвое превышало положенный штатами комплектъ. Составъ его былъ разнообразенъ и по національности и по уровню образованія офицеровъ: тутъ были и титулованные баричи, и бѣдные армейцы, въ ногу за отличіемъ, которое сдѣлало бы имъ карьеру;

Грузины, Армяне и Татары. Попадно, что всѣ они составляли особые кружки.

Самымъ симпатичнымъ изъ этихъ кружковъ былъ кружокъ изъ нѣсколькихъ офицеровъ, слѣдившихъ за духовною жизнью человѣчества и ея прогрессомъ и получавшихъ газеты, журналы и книги.

Центръ этого кружка составляли штабсъ-капитанъ Викторъ Александровичъ Петровъ и поручикъ Василій Владиміровичъ Филимоновъ. Первый—питомецъ Ришельевского лица, кромѣ репутаціи отличнаго фронтовика, которую онъ пріобрѣлъ еще служа въ Елисаветградскомъ Улапскомъ полку, изъ котораго перешелъ въ нашъ полкъ, пріобрѣлъ въ послѣдствіи извѣстность какъ способный и храбрый боевой офицеръ. Эти качества были оцѣнены по достоинству высшимъ начальствомъ, и восходя съ одной степени военной іерархіи на другую, онъ достигъ поста корпуснаго командира и умеръ лѣтъ шесть тому назадъ въ Одессѣ, командуя 4-мъ корпусомъ. Богато одаренный природой, Петровъ посвящалъ все свободное время умственнымъ занятіямъ и, благодаря громадной начитанности, довелъ свое развитіе до замѣчательной степени. Къ этому онъ присоединялъ умѣнье владѣть перомъ, и начавъ съ переводовъ твореній западныхъ поэтовъ, самъ достаточно владѣлъ стихомъ и написалъ нѣсколько очень педурныхъ вещицъ, даже одну комедію въ стихахъ... Мнѣ неизвѣстно появились ли онѣ когда-нибудь въ печати, но комедія была представлена на сценѣ, хотя при исключительныхъ обстоятельствахъ и при такой обстановкѣ, при которой едва ли когда ставились на сцену драматическія произведенія.

Другимъ выдающимся лицомъ кружка былъ поручикъ Филимоновъ, сынъ автора извѣстной въ 30-хъ годахъ сатирической поэмы *Дурацкий Колпакъ*, человѣка обладавшаго большимъ состояніемъ; онъ получилъ прекрасное домашнее воспитаніе, развившее его талантливую натуру, природную любознательность и острый саркастическій умъ. Последнимъ особенностью была можетъ-быть слѣдствіемъ его болѣзненной перевозности, доведшей его въ послѣдствіи до самоубійства. Онъ также бойко владѣлъ перомъ и экспромты его имѣли въ полку большой успѣхъ, а эпиграммы его, на которыя Филимоновъ не скупился, даже побаивались.

Около Петрова и Филимонова группировались: Алексѣй и Николай Шанъ-Гирей, двоюродные братья М. Ю. Лермонтова, Н. К. Мердеръ, Н. А. Зубковъ, А. А. Моллеръ—все трое бывшіе гвардейцы, графъ П. И. Зотовъ, молодой прапорщикъ, Витя Батіевскій, сынъ военнаго доктора, симпатичный, по не получившій образованія, юноша, о развитіи котораго заботился приймавшій въ немъ участіе Петровъ; далѣе А. А. Елагинъ, С. П. Сумароковъ и еще два-три человѣка, отводившіе, какъ говорится, душу въ бесѣдахъ съ этими симпатичными личностями.

Таковъ былъ кружокъ, къ которому примкнулъ и я, посѣщая его довольно часто. Населеніе Чиръ-Юрта вскорѣ было обязано этому кружку несомненнымъ развлеченіемъ.

Приступая къ разказу объ этомъ событіи, я считаю не лишнимъ упомянуть о случаѣ, имѣвшемъ для меня тѣсную съ нимъ связь, какъ это будетъ видно въ концѣ этого разказа.

Гуляя какъ-то по лагерной площади, я встрѣтилъ командира полка; я былъ въ очкахъ. Надобно сказать, что, крайне близорукій отъ природы, я съ 13 лѣтъ принужденъ былъ носить очки, потому что не могъ слѣдить за задачами, которыми въ гимназiи учитель математики объяснялъ на черной классной доскѣ. Вскорѣ я привыкъ къ нимъ до того, что снималъ ихъ только тогда, когда ложился спать. Поступивъ на службу, я увидѣлъ себя въ затруднительномъ положенiи. Разстаться со сдѣланною привычкою было крайне тяжело, а носить очки юнкерамъ не дозволялось. Даже для офицеровъ разрѣшенiе это стоило многихъ хлопотъ и разѣздовъ для освидѣтельствованiя степени порчи зрѣнiя докторами дивизионными и корпусными. Къ счастью, мелочность въ соблюденiи всѣхъ тонкостей требуемыхъ формой не была въ ходу у кавказскаго начальства, и въ короткое время службы моей въ Кабардинскомъ полку я носилъ очки постоянно. Разъ только, именно на смотрѣ генерала Фрейтага для опроса претензiй, я вышелъ во фронтъ безъ нихъ.

Перейдя въ драгуны, я всячески остерегался, чтобы не понастѣя въ очкахъ полковнику Круковскому и поспѣшно снималъ ихъ, завидя его издалека. На этотъ разъ я встрѣтился съ нимъ лицомъ къ лицу, на крутомъ поворотѣ въ переулокъ съ большой улицы, въ слободкѣ. Прятаться было поздно. Я сдѣлалъ фронтъ.

Сурово посмотрѣлъ на меня Филиппъ Антоновичъ.

— Это что за франтовство? сказалъ онъ.

„Франтовство“, подумалъ я съ горечью. „Еслибы вы знали“... Но слова замерли на губахъ.

— Ступайте, юнкеръ, медленно продолжалъ полков-

никъ, подойдя ближе ко мнѣ и взявъ мся за пуговицу шинели:—если я когда-либо еще разъ увижу васъ въ очкахъ, то будетъ не хорошо, больно не хорошо!..

Наступила глубокая осень, потомъ зима, т.-е. постоянные дожди, рѣзкій вѣтеръ и слякоть. Въ долинѣ Сулака снѣгъ выпадаетъ рѣдко и держится лишь нѣсколько часовъ. Бываютъ исключенія, но рѣдко. Прогулки по лагерю стали неудобны. Появилась неприятная гостья—скука...

И вотъ, однажды, когда мы собрались у Петрова, его посетила вдохновенная мысль устроить театр. Предложеніе было принято съ восторгомъ. Въ тотъ же вечеръ были собраны всѣ паличные изданія комедій и водевилей, нѣсколько нумеровъ *Пантеона* и *Репертуара*, выбрали піесы, раздѣлили между собой роли и начали совѣщаться о матеріальной сторонѣ предпріятія. Затрудненіе оказалось одно: въ лагерѣ не нашлось помѣщенія для театра. Единственное удобное строеніе были мастерскія казармы; но онѣ могли быть отстроены не ранѣе мѣсяца, а мы рѣшили сыграть спектакль черезъ полторы недѣли. Нашли, однако, возможность помочь горю.

Въ верстѣ отъ нашего лагеря, у моста, близъ рѣки Сулака, была устроена небольшая крѣпость, постоянно занимаемая пѣхотнымъ гарнизономъ. Мы рѣшили просить баталіоннаго командира уступить намъ на время какую-нибудь казарму. Зная баталіоннаго за добраго, обязательнаго человѣка, благоговѣннаго предъ кавалеріей, въ согласіи его мы были увѣрены. Въ самомъ

дѣлѣ, на другой же день Петровъ объявилъ, что дѣло устроено и что намъ отведено очень ведурное помѣщеніе для нашей затѣи. Затѣмъ собрали съ участвующихъ въ спектаклѣ деньги на устройство сцены, занавѣса, декорацій и прочихъ потребностей и отправили въ укрѣпленіе Темиръ-Ханъ-Шуру купака*) изъ Тагаръ сосѣдняго аула за покупкой необходимыхъ матеріаловъ. Нарисовать занавѣсъ и декораціи и гримировать актеровъ взялся поручикъ Шанъ-Гирей и дѣло свое исполнилъ прекрасно.

Оркестръ составили изъ любителей, офицеровъ и юнкеровъ, и избранный канцельмейстеръ, поручикъ Круинскій, очень удачно подобралъ музыку къ незнакомымъ куплетамъ. Что касается до распредѣленія ролей, то, за отказомъ двухъ наличныхъ полковыхъ дамъ участвовать въ спектаклѣхъ, пришлось отдать женскія роли юнкерамъ... Къ счастью, и это дѣло уладилось благополучно, и нѣкоторыя женскія роли выполнены были болѣе чѣмъ удовлетворительно.

Роли были выучены въ два дня и начались репетиціи. Такъ какъ театръ былъ устроенъ въ верстѣ отъ нашего лагеря, то на репетицію мы ѣздили верхомъ и при оружіи... Не думаю, чтобы гдѣ-нибудь составлялись репетиціи, на которыя артисты пріѣзжали бы вооруженными, не исключая театра устроеннаго Французами во время Крымской кампаніи въ камышѣ, потому что онъ находился среди своего лагеря, далеко отъ расположенія непріятельскихъ войскъ. Первая же репетиція показала, что роли были выучены твердо;

*) Пріятеля.

по, по совершенной непривычкѣ къ сценѣ и незнакому сценическихъ премовъ пѣкоторыми изъ актеровъ, опытнымъ изъ насъ пришлось усердно заняться ими, чтобы не ударить лицомъ въ грязь при представленіи. Поэтому тутъ же положили каждую репетицію *играть* пѣсы, а не ограничиваться чтеніемъ ролей. Послѣдствія оправдали цѣлесообразность этой мѣры.

Время шло быстро въ приготовленіяхъ къ спектаклю, и скоро занавѣсъ и кулѣсы были готовы... Сдѣлана была генеральная, окончательная репетиція, и написанныя полковыми каллиграфами изъ писарей афиши возвѣстили, что 6-го декабря, на Чиръ-Юртскомъ театрѣ, любителями представлены будутъ водевили: *Булочная или петербургскій Пѣмецъ* и *Покойная Ночь*.

Но я еще не говорилъ ничего о составѣ труппы.

Она состояла изъ Петрова, Филимонова, меня и еще пѣсколькихъ офицеровъ и юнкеровъ. Желая выставить любимца своего Батіевскаго, Петровъ, выбранный нами въ режиссеры, назначилъ ему небольшую роль Машеньки въ водевилѣ *Булочная* и усердно занимался съ нимъ, готовя его къ сценѣ; но, какъ говорится, дѣло не выгорѣло... Правда, въ отношеніи паружности, Батіевскому, наряженному въ платье жепы полковаго казначея, позавидовала бы не одна записная актриса, но безпамятность и отсутствіе всякой способности къ сценѣ заставили Петрова, на предпослѣдней репетиціи, замѣнить Витиньку другимъ, хотя не столь миловиднымъ, но болѣе способнымъ актеромъ.

Собираясь устраивать театръ, Петровъ доложилъ о томъ полковому командиру, который охотно далъ на то свое согласіе и съ благодарностью припаялъ приглашеніе на первое представленіе.

Наступило 6 декабря. Въ 6 часовъ пополудни мы были совершенно готовы. Стсариловыя свѣчи, воткуптыя въ пытки, обрамливали рампу сцены; другія, обравуя капделябру о трехъ бра, украшали стѣну казармы, уставленной, за пеймѣніемъ креселъ и стульевъ, рядами скамеекъ для зрителей. Впрочемъ, было и нѣсколько креселъ; по ихъ прислали съ депѣщиками для себя полковникъ, одинъ майоръ и жепатые офицеры, хлопотавшіе о возможномъ комфортѣ для своихъ женъ. Публики собралось очень много. Были даже прѣхавшіе парочно изъ Темиръ-Ханъ-Шуры, что особенно льстило самолюбію папему и возбуждало желаніе отличиться предъ гостями. Первые ряды были заняты штабъ-офицерами, дамами и эскадронными командирами; на заднихъ скамейкахъ сидѣли младшіе офицеры и юнкера; въ глубинѣ казармы толпились утеръ-офицеры, писаря, солдаты и виднѣлось нѣсколько головокъ изъ слободки, въ кокетливо пакипутыхъ платочкахъ.

Въ 6^{1/2} часовъ оркестръ (двѣ скрипки, контрабасъ, двѣ флейты, кларнетъ, барабанъ) заигралъ полковой маршъ, исцравлявшій на этотъ разъ должность увертюры. По окончаніи его взвился занавѣсъ, на которомъ стараніями Шанъ-Гирсы была изображена лира среди воинскихъ досигѣховъ, окруженная сіяніемъ.

Началось представленіе... оно удалось какъ пельзя болѣе, и артисты-любители вознаграждены были, за доставленное зрителямъ удовольствіе, такими аплодисментами, какіе врядъ ли выпадали на долю и знаменитѣйшимъ сценическимъ художникамъ.

Кромѣ шутокъ, дежурный въ лагерѣ по фасу, къ сторонѣ моста черезъ Сулакъ, былъ испуганъ отдален-

нымъ шумомъ до такой степени, что счелъ нужнымъ обратить на это обстоятельство вниманіе дежурнаго по цѣпи... Можно представить себѣ, каковъ былъ шумъ на мѣстѣ, когда опъ былъ такъ ясно слышенъ въ лагерѣ! Въ особенноти усердно хлопали задніе ряды. Когда же они увидѣли, что самъ полковникъ подалъ знакъ одобренія, то, руководствуясь военнымъ правиломъ: „рады стараться“, просто выходили изъ себя, крича и тоная нво всѣхъ силъ.

Въ этомъ спектаклѣ какъ дѣйствующее лицо Петровъ не участвовалъ. Ему и безъ того было пропасть дѣла по устройству театра и по обязанности режиссера. Однако, опъ успѣлъ скропать куплеты для водевиля *Покойная Ночь*, придавъ имъ колоритъ мѣстности. Именно опъ дополнилъ заключительный куплетъ, о значающійся приѣздомъ:

Покойной почи, господа!

тремя строфами. Вотъ послѣдняя изъ нихъ:

Пускай Хаджи-Мурать тревожить

Напгъ лагерь — это не оѣда:

Опъ намъ вредить никакъ не можетъ...

Покойной почи, господа!

Подъ вліяніемъ пріятнаго впечатлѣнія отправились гости и артисты домой въ лагерь. Ихъ поѣздъ представлялъ оживленную картину. Около сотни всадниковъ, вооруженныхъ съ головы до ногъ, окружили единственную въ Чиръ-Юртѣ пролетку, въ которой ѣхали полковыя дамы... Впереди скакали нѣсколько человекъ, въ родѣ авангарда; по правой рукѣ, къ сторонѣ пагорной цѣпи, гарцовали патрульные юнкера... И все

это весело болтало, шумѣло, смѣялось... Къ довершенію удовольствія, поѣздъ озарился блистательною иллюминаціей: вспыхнули палы...

Во многихъ мѣстностяхъ на Кавказѣ есть обычай выжигать осенью оставшуюся на корнѣ сухую траву; образовавшаяся отъ этого пожара зола составляетъ отличное удобреніе для почвы, которая весной съ возобновленною силой производитъ нѣжную, сочную траву—превосходный кормъ для скота, въ особенности же для бычковъ, мясо которыхъ на Кавказѣ имѣетъ пріятный вкусъ, приводящій въ восторгъ даже записныхъ гастрономовъ, выросшихъ на произведеніяхъ французской кухни...

Такие пожары зовутся палами.

Общее веселое настроеніе духа усилилось, когда Круковский, поблагодаривъ артистовъ за пріятную затѣю, тутъ же приказалъ командиру инвалидной роты, заведывавшему полковыми построиками въ слободкѣ, озаботиться скорѣйшимъ окончаніемъ мастерской казармы, которую и назначилъ мѣстомъ будущихъ представленій.

Вечеръ окончили мы за стаканомъ добраго кахетинскаго, въ гостепріимной хатѣ Петрова. Мы занялись репертуаромъ слѣдующаго представленія, и тутъ ожидалъ насъ сюрпризъ...

Петровъ предложилъ разыграть комедію въ стихахъ, его сочиненія. Не понимаю, какъ онъ успѣлъ въ теченіе недѣли написать комедію: *Старый Служака*, стихами, и притомъ съ куплетами. Сколько помнится,

это чуть ли не единственный примѣръ комедіи въ стихахъ съ куплетами.

Содержаніе ся очень просто.

Отставной старый генералъ, Екатерининскихъ времянь, привыкшій къ безотвѣтному повиновенію подчиненныхъ своихъ, съ удивленіемъ замѣчаетъ, что дочь его не хочетъ идти замужъ за избраннаго имъ жениха, его стариннаго сослуживца, полковника Палашина, а любитъ молодаго уланскаго офицера. Старикъ непремѣнно хочетъ поставить на своемъ; но самъ Палашинъ, признавъ въ соперникѣ сына нѣкогда любимой имъ дѣвушки, вышедшей, по принужденію отца, замужъ за другаго, уступаетъ невѣсту счастливому улану.

Недостатокъ дѣйствія искупали нѣкоторые удачные стихи, а главное знакомая сфера, изъ которой взято содержаніе пьесы.

Ну, чтожь? Еще ты не рѣшилась?
А сколько разъ я говорилъ,
Чтобъ ты въ Палашина влюбилась?
Такъ нѣтъ: Палашинъ, вишь, не миль!
А развѣ ты того не знаешь,
Что послушаніемъ своимъ
Порядокъ службы нарушаешь?
Какъ былъ я шефомъ полковымъ,
Меня въ полку отцомъ считали
(И точно, шефъ—отецъ полка),
Меня любили, уважали;
А тутъ—смотрите—старика
Въ семьѣ и шефомъ не считаютъ!

Такъ говоритъ старикъ-отецъ дочери; но, не видя успѣха и приписывая все женскому капризу, продолжаетъ:

Съ жепой, Матрепой Алексѣвной,
 Покойной матерью твоей,
 Былъ церемоніаль плачевный,
 Хоть и безъ хора трубачей!
 Она разъ какъ-то пакричала
 И раскапризлась со мной,
 Претензіи не показала,
 Гремятъ, какъ барабанный бой!
 Разбила зеркало безъ такту.
 Пришлось бы плохо старику,
 Но я отправилъ на гауптвахту
 Ее съ дежурнымъ по полку!

А вотъ обращеніе къ старому депъщнику:

Смотри, *Ринальдъ* *) еще не поелъ:
 А знаешь ли, болванъ, оселъ,
 Ты говоришь съ нимъ недостойнъ!

 Подъ Краснымъ былъ! Какой огонь!
 Подъ Лейпцигомъ! Не ты жъ, скотина,
 А онъ все барина возилъ!
 Смотри жъ ты, Филька, берегися!
 И если я тебя простилъ,
 То за *Ринальда* ты молися!

Было и еще много стиховъ мѣтко рисующихъ бытъ и обычаи поколѣнія старыхъ служакъ, которые на

*) Лошадь.

всѣхъ и на все смотрѣли сквозь призму военнаго устава. Интересъ комедіи увеличивался слухомъ, будто-бы въ старикѣ-отцѣ авторъ представилъ вѣрный портретъ своего отца.

16 декабря разыграна была эта комедія во вновь отведенной казармѣ, вмѣстѣ съ водевилемъ *Титулярные совѣтники въ домашнемъ быту*. Новое помѣщеніе оказалось лучше и удобнѣе прежняго, хотя и встрѣтилось небольшое неудобство. Несмотря на то, что сцена была на аршинѣ выше уровня партера, оркестръ загораживалъ собою зрителей. Но мы недолго ломали голову надъ этою бѣдой: вырыли предъ сценой ровъ въ аршинѣ глубины и два съ половиною ширины и посадили туда нашихъ любителей музыкантовъ.

Комедія Петрова прошла прекрасно. Онъ самъ исполнялъ роль старика и, несмотря на свою разсѣянность, (за которую мы сильно побаивались), исполнилъ ее безукоризненно. Была, впрочемъ, минута, когда онъ чуть-чуть не вышелъ изъ роли; но все кончилось благополучно.

Вотъ что случилось. Роль Фильки, стараго денщика, была пазпачена десятивершковому юнкеру Пальмцеву изъ прибалтійскихъ Пѣмцевъ. Мы всѣ его звали просто Максомъ. Такъ какъ роль эта состояла только изъ трехъ словъ: „вѣдь я одинъ“, которыми онъ долженъ отвѣчать старику-барину на выговоръ за лѣнь и медленность, то никому не приходило въ голову, чтобы можно было тутъ спутаться. Случилось напротивъ. Максъ ѣздилъ по своимъ дѣламъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру. На ренетиціяхъ онъ не участвовалъ и возвра-

тился уже въ день спектакля. Его тотчасъ же заставили затвердить роль, сказали предыдущую реплику и были совершенно спокойны. Представьте же себѣ ужасъ Петрова, когда на обращающую къ Филькѣ рѣчь онъ не слышитъ отвѣта, который по ходу пьесы долженъ вызвать еще болѣе рѣзкій выговоръ... Суфлеръ кричитъ: „вѣдь я одинъ“, другіе актеры изъ-за кулисъ подсказываютъ то же самое; но напрасно... Максъ растерялся, смутно оглядывался кругомъ, видитъ предъ собой взбѣшенное лицо Петрова, а изъ-за кулисъ угрожающіе жесты товарищей, и молчитъ. Наконецъ, онъ ловитъ мысль отвѣта, произноситъ: *ондѣ никого, кромѣ меня, нѣтъ*, что повсе не подходитъ къ размѣру стиха въ комедіи, и быстро убѣгаетъ со сцены, оставляя Петрова договаривать роль свою двери, въ которую тотъ убѣжалъ!...

Но, тѣмъ не менѣе, пьеса имѣла полный успѣхъ, къ совершенному торжеству Петрова. *Титулярные Советники* тоже прошли удачно. Въ роли горничной я возбуждалъ неудержимый смѣхъ въ зрителяхъ и вызвалъ его даже въ полковникѣ Круковскомъ, котораго никто ни прежде, ни послѣ не видѣлъ смѣющимся. Это обстоятельство, какъ увидите, имѣло для меня пріятныя послѣдствія.

Желая ознаменовать успѣхъ своего произведенія, Петровъ, въ складчину съ артистами и оркестромъ, устроилъ угощеніе для публики... По окончаніи послѣдней пьесы, свѣчи на авашъ-сценѣ были погашены, запавъсь взвился снова и зрителямъ предстали артисты со стаканами шампанскаго на подпосахъ, освѣщенные голубымъ пламенемъ жженки, горѣвшей по сторонамъ

сцены въ большихъ кухонныхъ кастрюляхъ... Стаканы были разнесены гостямъ, начиная съ Круковского... Явилось еще нѣсколько бутылокъ, добрались и до жженки, ватушеной редереромъ...

Пробывъ съ нами до перваго часа, полковникъ ушелъ домой, пригласивъ всѣхъ участвовавшихъ въ спектаклѣ отобѣдать у него на другой день. Послѣ него долго еще не расходилась веселая компанія... Я возвратился домой въ четвертомъ часу утра.

По утру разбудилъ меня раздававшійся падо мной голосъ:

— Вставайте, да вставайте же! Слышите ли, всѣ давно готовы! Ну, достанется же вамъ отъ полковника!

Я съ трудомъ раскрылъ глаза и приподнялся на кровати.

Передо мной стоитъ капитанъ Курдюевъ въ походной формѣ—знакъ дежурства по полку.

— Да одѣвайтесь же поскорѣе!

Я падѣлъ шаровары и взялся за шипель.

— Господи? Да чтѣ съ вами? Развѣ не знаете, что смотрѣ навпачепъ въ полной парадной формѣ?

— Какой смотрѣ? Чтѣ такое?

Я совершенно растерялся.

Оказалось, что полковникъ дѣлаетъ смотрѣ юнкерамъ въ восемь часовъ утра...

Не зналъ же я этого вотъ по какой причинѣ.

Всѣ распоряженія по полку отдаются въ „приказѣ“, который выписываютъ въ канцеляріи эскадронные писаря и передаютъ вахмистру, а вахмистръ черезъ

ефрейторовъ отсылаетъ его для прочтенія своимъ офицерамъ и юнкерамъ. По заведенному такимъ образомъ порядку, мой ефрейторъ заносилъ наканунѣ вечеромъ приказъ по полку и даже объявилъ содержаніе его деспичку офицера, съ которымъ я жилъ, такъ какъ меня не было дома, но тотъ забылъ, не разбудилъ меня во-время. Но, какъ бы тамъ ни было, я виноватъ и бѣды не миновать...

Одѣвшись какъ могъ поспѣшнѣе, я взялъ ружье и пошелъ вмѣстѣ съ дежурнымъ по полку на плацъ. Но смотръ уже кончился, и юнкера расходились по квартирамъ. Приходилось идти къ Круковскому.

Когда я входилъ къ нему въ комнату, онъ стоялъ спиной къ окну. Поклопавшись вошедшему со мной капитану Курдюеву, онъ тотчасъ же отпустилъ его и, положивъ на окно фуражку, которую держалъ въ рукѣ, медленно подошелъ ко мнѣ, пристально глядя мнѣ въ глаза...

Досада, неизвѣстность мѣры взысканія, по взысканіи неизбежнаго, бросали меня въ лихорадку.

— Слушайте, юнкеръ, сказалъ полковникъ: — не хочу знать причинъ, почему вы не явились на смотръ, по что онѣ были — это вѣрно. Намѣреннаго ослушанія допустить въ васъ я не могу, даже не хочу. Но взыскать съ васъ я долженъ. Ступайте къ зеленому ящичку и явитесь караульному офицеру.

Это значило отправляться на гаунтвахту, возлѣ которой стоялъ казенный полковой зеленый ящикъ.

Дѣлать печего: я отправился на гаунтвахту, явился караульному офицеру и, скучный, усѣлся въ уголокъ комнаты, проклиная случай, приведшій меня сюда

именно въ тотъ день, когда я приглашенъ былъ обѣдать къ Круковскому. Времяшло убійственно долго... Не зная какъ сократить его, въ часъ пополудни я уже посылалъ вѣстоваго къ себѣ на квартиру за обѣдомъ, хотя обыкновенно обѣдалъ въ два часа, какъ вдругъ вошелъ на гауптвахту деньщикъ полковника, неся что-то въ корзинѣ...

Онъ вынулъ изъ нея два прибора, салфетки, наставленные одна на другую миски съ кушаньемъ и поставилъ на столъ.

— Что это? кому?

— Вамъ, сударь, прислали полковникъ, да г. караульному, сказалъ деньщикъ: — а чтобы вы въ этомъ распріятномъ мѣстѣ не соскучились, прибавилъ онъ, доставая что-то изъ кармановъ своихъ широкихъ шароваровъ: — то они приказали принести вамъ этого...

На столѣ стояли двѣ бутылки: царскаго-кахетинскаго и инампанскаго.

Грустное настроеніе духа исчезло мигомъ. Я убѣдился, что Круковский на меня не сердится, и въ веселой бесѣдѣ съ караульнымъ провелъ этотъ памятный для меня день.

Вставая рано на другой день, я прозябъ, и, чтобы согрѣться, надѣлъ, приспешный съ вечера, мой ергакъ, т.-е. киргизскій тулупъ на жеребенка, шерстью вверхъ.

Вдругъ раздается крикъ часоваго: „караулъ — вонъ!“ Я выглянулъ въ окно: мимо идетъ полковникъ. Солдаты отдали ему честь. Онъ велѣлъ распустить караулъ, но вмѣсто того чтобы, какъ обыкновенно, пройти мимо, зашелъ на гауптвахту. Опять несчастіе! Очки я успѣлъ снять, но не успѣлъ

спять ергака, какъ Круковский стоялъ уже предомной.

— Это что за медвѣжепокъ? сказалъ онъ.

— Я озябъ, г. полковникъ! пробормоталъ я.

И, дѣйствительно, можно было этому повѣрить: я поблѣдпѣлъ и тряся, какъ осиповый листъ. Воспользовавшись, однако, выходомъ Круковского въ сосѣднюю швальню, я мигомъ скинулъ съ себя ергака и надѣлъ шинель.

— Вотъ такъ-то лучше! сказалъ онъ, входя опять въ компану.—Слушайте: я освобождаю васъ изъ-подъ ареста и надѣюсь, что впередъ вы будете исправнѣе. А въ благодарность за доставленное вами вчера мнѣ и всему нашему обществу удовольствіе разрѣшаю вамъ посить очки,—разумѣется, исключая того случая, когда пріѣдетъ къ намъ въ Чиръ-Юртъ кто-нибудь старше меня чиномъ.

И онъ ушелъ, не слушая безсвязныхъ выраженій моей благодарности....

Вл. Каченовскій.
